

— Ты просто слишком мягкосердечный, — нахмурился Чжан Сы. — Тогда я украл у тебя серебро, а ты отплатил мне добром за зло, сказав, что спасаешь меня из-за моих навыков. Но эти упертые деревенские? Зачем ты идешь на такой огромный риск и остаешься здесь ради тех, кто хотел тебя убить? И вот они отплатили злом за добро — неужели именно этого результата ты добивался?

Лу Цзыяо усмехнулся:

— Ты слишком хорошего обо мне мнения.

Чжан Сы не понял.

Лу Цзыяо спас Чжан Сы лишь потому, что хотел, чтобы тот обучил кунг-фу пятого принца и передал седьмому принцу сведения о местонахождении Святого Меча.

А спасал простых людей он ради наследного принца.

Ни в одном из случаев им не двигали интересы тех, кого он спасал.

Впрочем, Чжан Сы был в чем-то прав: Лу Цзыяо действительно легко поддавался сочувствию. Сперва ради самосохранения он ублажал седьмого принца, а в итоге превратился для него в заботливого отца.

Потом ради седьмого принца он начал защищать наследного принца, пока сам не стал его преданным фанатом.

Затем ради принцев спас Чжан Сы, а со временем стал считать его настоящим другом.

И теперь, чтобы реформы прошли без сбоев, Лу Цзыяо прибыл в уезд Пинжун сдерживать чуму — и просто не мог равнодушно смотреть, как жители трех уездов проходят через этот земной ад, искренне желая спасти людей.

Получал жалование маленького компаньона, а переживал как генсек ООН.

— Ха... — Лу Цзыяо самоиронично рассмеялся.

— У тебя еще есть настроение смеяться? — нахмурился Чжан Сы. — Хорошо еще, что я встал пописать, а то спал бы беспросветно и не услышал шума в твоей комнате. Ты хоть понимаешь, насколько сейчас было опасно?

Лу Цзыяо косо посмотрел на него и с досадой сказал:

— Хватит мне напоминать! Я только-только забыл, а ты опять нагоняешь страху — я теперь точно не засну.

Чжан Сы усмехнулся, глянул на пустой двор, а затем, убрав улыбку, серьезно произнес:

— Ты настоящий благородный муж. Неудивительно, что трое маленьких принцев так тебе доверяют. Лстыивые хитрецы рано или поздно выдают себя, и лишь такой человек, как ты, достоин всеобщего доверия.

*

На следующий день в ямене Лу Цзыяо получил ответное письмо от наследного принца, но

верительной бирки на право управления войсками с ним не было.

В письме наследный принц сообщал, что доложил обо всем Императору. Император отнесся к этому с должным вниманием, и дополнительные придворные лекари скоро придут.

Также Император издал указ местному начальнику уезда оказывать содействие лекарям в борьбе с чумой, однако отверг просьбу о привлечении войск для эпидемиологического контроля.

В Великой Ци и раньше вспыхивали эпидемии, но прежде дело ограничивалось заболеваниями вроде дифтерии.

Император и понятия не имел, насколько ужасающими были заразность и смертность при чуме.

Лу Цзыяо спрятал письмо, и у него внутри все похолодело.

— Ну как? — с мрачным видом спросил Чжан Сы, заметив, как побледнел Лу Цзыяо. — Наследный принц не дал военной власти?

— Это Император не дал, — глухо отозвался Лу Цзыяо. — Наследный принц пишет, что постарается в течение двух недель убедить Императора, и сам возглавит гвардию, чтобы прийти нам на помощь...

Лу Цзыяо медленно прикрыл глаза:

— Продержаться полмесяца... Легко сказать.

Как раз в этот момент снаружи яменя раздался шум и крики толпы.

Выйдя наружу, Лу Цзыяо и Чжан Сы увидели жителей деревни, собравшихся у ворот с требованием провести ритуальное жертвоприношение.

После сноса алтаря число жителей, «одержимых бесом мора», заметно возросло. Народ решил, что разрушение жертвенника прогневало божество чумы, и страх довел их до того, что они перестали бояться властей.

Многие семьи одержимых вымерли целиком. Крестьяне рассудили, что если пойти против властей, то, возможно, удастся спасти своих детей и внуков, поэтому многие разгневанные жители были готовы драться с чиновниками насмерть.

— Что же делать! — Начальник уезда в панике метался по двору и с жалобным видом обращался к Лу Цзыяо: — Прогонять бесов мора и провожать бога чумы — многовековой обычай уезда Пинжун! Ваш покорный слуга искренне не понимает, зачем это запрещать и как теперь успокоить людей!

Лу Цзыяо спокойно ответил ему:

— Пожалуйста, найдите для меня даосскую одежду. Я лично обо всем объясню народу.

У начальника уезда едва не потемнело в глазах. Он совершенно не понимал, зачем юноша устраивает этот цирк в такое время.

Однако Император повелел содействовать ему, поэтому возразить чиновник не смел и,

проглотив недовольство, велел помощнику найти даосское облачение.

Спустя три четверти часа Лу Цзыяо, переодевшись в даосское одеяние и взяв меч из коллекции начальника уезда, вышел из яменя к разгневанной толпе:

— Почтенные жители, прошу вас, не волнуйтесь! Что касается ритуала, господин начальник уезда решил обсудить его основательнее.

Жители постепенно затихли. Полные обиды и невольного ожидания, они разглядывали симпатичного юношу в даосском одеянии.

— Уважаемые земляки, я — даос Сюаньи. Государь Великой Ци отправил меня сюда, чтобы изгнать бога чумы ради жителей Пинжуна, — Лу Цзыяо сделал небольшую паузу и, видя, что никто не возражает, продолжил: — Запрет на проведение обряда — это мое решение.

Начальник уезда, несколько дней винивший себя во всех грехах, облегченно вздохнул: он и не думал, что у мальчишки хватит смелости взять ответственность на себя.

Услышав это, люди исказились от гнева, однако, из уважения к сану «даоса Сюаньи», пока никто не решался выразить протест открыто — лишь десятки ненавидящих глаз холодно уставились на Лу Цзыяо.

Лу Цзыяо продолжил:

— На этот раз бог чумы совсем не такой, как прежде. Традиционный ритуал не только не прогонит его, а напротив — прибавит ему сил и навлечет еще больше бесов мора. И когда настанет благоприятный момент для изгнания нечисти, даже я не смогу выгнать бога чумы ради вас.

— Обряд проводов бога чумы со времен древности так проводили! — не выдержав, выкрикнул какой-то молодой человек. — У вас в столице свои правила, а у нас бог чумы совсем другой!

Лу Цзыяо поднял руку, призывая его к спокойствию, и терпеливо продолжил:

— Я понимаю, что вы не поверите мне на слово. Чтобы доказать свои слова, я решил не препятствовать вашему обряду, но с одним условием: его нужно разделить на две части.

— На какие две части? — тут же спросил кто-то из толпы.

Лу Цзыяо пояснил:

— По вашим обычаям, любой, кто участвует в обряде и выпивает священную воду, защищен от одержимости бесом мора. В этот раз чума свирепствует, и наверняка каждый захочет принять участие. Мое условие такое: провести два ритуала. Первый должен быть совсем небольшим, с числом участников не более десяти человек...

— Как это — десять человек?! Этого же мало! — тут же наперебой закричали крестьяне.

— Дайте мне договорить, — Лу Цзыяо подождал, пока толпа стихнет, и продолжил: — По правилам, в день жертвоприношения посторонним запрещено оставаться на площади. Как только обряд завершится, все немедленно расходятся по домам.

Ручаюсь: в течение шести дней не менее пяти человек из этих участников погибнут от рук новых бесов мора!

Вы сами сможете проверить, сбудется ли мое предсказание. А через восемь дней можете проводить второй обряд, и число участников уже никто ограничивать не будет.

Кто хочет привлечь бесов мора — идите на верную смерть, удерживать не стану.

Как только прозвучали эти слова, лица людей побледнели, и спустя мгновение толпа зашепталась.

Вскоре вперед вышел представитель деревни, поклонился и сказал:

— Сделаем так, как говорит даос!

Лу Цзыяо облегченно перевел дух. На постройку алтаря и подготовку уйдет минимум три дня, так что в общей сложности удастся выиграть еще одиннадцать дней. А после первого ритуала, глядишь, подспеют и люди наследного принца.

Если же и это не поможет предотвратить массовые молебны, то он умоет руки.

Если идти напролом дальше, Чжан Сы вряд ли сумеет его защитить, а жители устроят столкновение с властями, что неизбежно приведет к масштабному заражению.

Спустя четыре дня завершился первый скромный ритуал.

Деревенские жители с ликованием принялись готовиться ко второму, массовому обряду.

Через два дня у четверых из десяти участников первого обряда проявились симптомы легочной чумы.

Спустя четыре дня один из них скончался.

Спустя пять дней умерли еще двое.

Спустя семь дней все четверо заболевших были мертвы.

Жители, готовившие второй обряд, прекратили работу.

По деревне поползли слухи и обсуждения давешнего пророчества Лу Цзыяо.

Вскоре по окрестностям разнеслась молва о том, что столица прислала им живого небожителя.

Через два дня жители сами пришли к яменю с просьбой к даосу сотворить заклинание и изгнать нечисть.

Через три дня абсолютное большинство отказалось от участия во втором ритуале.

Лишь отдельные старики, слепо верящие в традиции, стучали клюками и ругали Лу Цзыяо, уверяя, что тому просто повезло, ведь он предсказывал гибель больше пяти человек, а умерло четверо.

Спустя еще два дня среди родственников четверых погибших участников заболели и умерли еще трое.

После этого о втором ритуале больше никто не заикался. К недостроенному алтарю боязливо не приближался ни один человек.

Многие жители ежедневно стояли на коленях у ворот яменя, моля живого небожителя спасти их от мора.

Лу Цзыяо решил, что пора объявлять второй шаг своего плана, готовившийся несколько дней: истребление крыс и блох, карантин для больных и запрет родственникам оплакивать усопших.

На самом деле он хотел также потребовать сжигания трупов умерших от болезни, но в древние времена это могло навлечь кровную вражду со стороны их семей. Такую меру лучше было вводить принудительно уже после прибытия наследного принца.

<http://bllate.org/book/18379/1767056>